

Долгий путь к российскому рублю

Юрий ГРУЗИЦКИЙ,
кандидат исторических наук,
профессор БГЭУ

В результате трех разделов Речи Посполитой – в 1772, 1793 и 1795 гг. – белорусские земли были включены в административную и хозяйственную систему России и постепенно интегрировались в единый рынок, хотя еще долго сохраняли свои специфические особенности. Уже после первого раздела Речи Посполитой на восточно-белорусской территории была предпринята попытка утверждения общероссийской денежной системы. Так, 13 сентября 1772 г. первый наместник российской императрицы в Беларуси генерал-губернатор граф З.Г. Чернышев в докладе Екатерине II об учреждении на «присоединенных землях» новой финансовой системы предлагал: «Всем деньгам, каковые теперь в обращении в сих присовокупленных местах находятся, не соизволено ли будет дозволить хождение до 1 января (1773 г. – Ю.Г.), а с того числа обращаться единственно монете под штемпелем Вашего Императорского Величества и червонным (золотой монете. – Ю.Г.) иностранным».

Российская императрица осторожно отнеслась к такому предложению, наложив следующую резолюцию: «Сей пункт требует дальнейшего рассмот-

рения». В связи с этим, а также с объективными сложностями быстрого утверждения на новых землях общероссийской денежной системы З.Г. Чернышев предложил еще на год «оставить хождение» прежних платежных средств, правда, с оговоркой, «чтобы иностранной монеты, кроме червонцев, не было». Правительствующий сенат согласился с таким мнением, издав соответствующий указ: «О дозволении оборота прежних монет в присоединенных от Польши губерниях и провинциях по 1 января 1774 г.» [1]. Однако до реализации принятого этим государственным органом решения было далеко. Приток на территорию Беларуси зарубежных монет продолжался еще несколько десятилетий: это талеры и дукаты Нидерландов, металлические средства обращения Варшавского герцогства и другие эквиваленты стоимости [2]. Серьезную роль в денежном обращении выполнял и так называемый «голландский червонец», который тайно выпускал Петербургский монетный двор, искусно копируя общепризнанную тогда мировую валюту. Эти денежные единицы обслуживали местные рынки наряду с утверждавшимися платежными средствами России.

В образованных после включения белорусских земель в состав России специфических

губернских банковских учреждениях, так называемых приказах общественного призрения, балансы исчислялись в разных валютах. Так, к началу 1814 г. в Могилевском приказе, крупнейшем в белорусском регионе, числилось «капиталов частных» на сумму 234 119 руб. ассигнациями, 15 427 серебром, 4 795 «чырвонных» и 4 772 талерами, а собственный капитал составлял: 19 706 руб. ассигнациями, 217 серебром, 133 «чырвонными» и 4772 талерами [3]. Такая особенность ведения бухгалтерского учета вызвала необходимость принятия соответствующих инструкций для этих кредитных организаций, определявших порядок приема и выдачи денежных средств в разной валюте.

В связи с возросшими расходами на внутреннее управление империей и быстро растущим бюджетным дефицитом правительство Екатерины II приняло решение открыть в ряде городов несколько монетных дворов, в том числе и Полоцке. Для пополнения казны предполагалось провести массовую перечеканку российской медной монеты по новой стопе: 32 рубля из пуда сырьевого металла вместо прежних 16 рублей. Возможности дополнительных эмиссий обесценившихся бумажных денег – ассигнаций – к тому времени были практически исчерпаны. Открытие Полоцкого монетного двора планировалось на осень 1796 г. [4]. Однако смерть Екатерины II прервала активную подготовку к перечеканке медной монеты в Полоцке.

После второго раздела Речи Посполитой, когда в составе России оказалась уже и центральная часть белорусской территории, правящие круги империи пытались внедрить здесь в обращение бумажные пла-

тежные средства – ассигнации. В декабре 1794 г. издан «высочайший» «именной» указ, занимавшему здесь должность генерал-губернатора князю Н. В. Репнину «О введении в употребление ассигнаций во всех занимаемых войсками местах Литовского Княжества» для «облегчения нужд казны». Самодержавному государству было выгодно осуществлять свои расходы и на новых землях в постоянно обесценивавшихся бумажных деньгах. Несмотря на то что была сделана оговорка относительно необходимости установления такого курса ассигнаций по отношению к «монете польской», «чтобы не стеснить и не привести в нужду содержащих себя единым жалованием» бумажными деньгами, императорский указ недвусмысленно предупреждал, что вместе с тем «выгодный» для населения курс ассигнаций «умалит доходы взимаемые с этих областей» [5].

На практике это обернулось тем, что ассигнации долго не приживались в белорусских губерниях, а серебряная польская монета получила существенно заниженную котировку по отношению к рыночному курсу, что позволяло царской администрации осуществлять неприкрытый грабег белорусских земель. Что касается налоговых сборов, то они и вовсе определенное время взимались по номиналу серебряной монетой. Известный политический деятель князь А. Чарторыский в письме к Александру I от 12 января 1810 г. сообщал, что в западных губерниях «на рынке можно покупать на звонкую монету, бумажные деньги не принимаются... Все налоги, включая и косвенные, собираются, считая деньги не по курсу их стоимости, а по номиналу, что увеличивает тяжесть налогов в той же пропорции, в какой падают в курсе ассигнации» [6]. Это породило нехватку звонкой монеты из благо-

родных металлов на подобные платежи и недоимки по налоговым сборам.

Параллельное обращение в белорусских землях различных валют и недостаток российских платежных средств вызвали необходимость принятия верховной имперской властью еще в 1802 г. специального указа Государственному казначейству о «дозволении» в Литовской губернии, в составе которой в то время находились виленские, гродненские и частично минские районы, «уплаты подати голландскими червонцами и ефимками (талерами. – Ю. Г.), считая первые в 3 рубля серебром, а последние на вес», собирать налоги как российской монетой, так и продолжавшими обращаться здесь денежными единицами различных государств [7]. Спустя семь лет сенат вновь подтвердил разрешение на взимание налогов «монетой иностранной, завезенной из соседних мест торговыми оборотами», мотивируя это тем, что все это время казна здесь «покупки и заготовки производит не иначе как на серебряную монету» [8].

20 июня 1810 г. для упорядочения в империи денежного обращения, обусловленного параллельным обращением серебряного рубля и обесценивавшимися ассигнациями с неустойчивым курсом, вышел манифест «О новом устройстве монетной системы», определивший, что «главной непрременной и законом» денежной единицей будет серебряный рубль, и со следующего года «во всех губерниях без изъятия все законные акты, крепости, вексели, условия и сделки имеют быть писаны на российскую монету», а «счет на иностранную монету: ефимки, талеры, злотые и тому подобное во внутренних делах прекращается» [9]. Так было сделано еще одно заявление об унификации денежной системы в белорусских губерниях.

Однако в октябре 1811 г. министр финансов Д. А. Гурьев внес в Государственный совет представление, в котором предлагал для поддержания курса бумажных денег расширить круг их обращения по всей империи. Глава финансового ведомства полагал, что, распространив обращение ассигнаций и на западные губернии, в составе которых находились белорусские земли, где пока циркулировала почти исключительно звонкая монета, можно будет повысить доверие населения к бумажным платежным средствам.

Инициатива вошла в противоречие с «планом финансов» известного реформатора М. М. Сперанского, по которому предлагалось изъять из обращения ассигнации и начать эмиссию банкнот, обесцененных серебром. С отставкой Сперанского в начале 1812 г. и последовавшей за этим его ссылкой отношение к инфляционным бумажным деньгам резко изменилось. Об этом свидетельствует вышедший 9 апреля 1812 г. манифест «О введении повсеместно единообразного обращения Государственных банковых ассигнаций», требовавший во всей империи осуществлять платежи и расчеты на эти бумажные деньги [10]. Данный законодательный акт возвращал ассигнациям значение счетной денежной единицы, но сохранял и прежнюю монетную единицу, определенную манифестом 20 июня 1810 г., что в известной мере предопределило сохранение обращения польской и иностранной монеты на белорусских землях. Однако и на этот раз полностью реализовать подобное решение не удалось. До вытеснения из денежного оборота в белорусских губерниях местной монеты было еще далеко.

В конце первой четверти XIX в. имперская администрация вынуждена была определить либо подтвердить курсы

параллельно обращавшихся в белорусском крае местных и российских платежных средств. 16 февраля 1825 г. Государственный совет принял указ «О значении монеты, упоминавшейся в Литовском Статуте и о взносе штрафов в губерниях, где действует Литовский Статут по утвержденному ежегодному курсу». Указ подтвердил имевшую широкое распространение такую специфическую счетно-денежную единицу, как копа, которая возникла еще в XIV в. и содержала 60 грошей или 2 гульдена, составлявшую теперь 1 рубль 20 копеек серебром – «рубль грошей должен по крайней мере числиться в 1 р. 20 коп. серебром». Далее указ гласил: «в грош 2 коп., 2 денежки за копейку, а пенязь (мелкая разменная монета. – Ю.Г.) в полушку» [11]. Подобные котировки сохранялись довольно долго.

Кроме отмеченных средств обращения, в тогдашней Беларуси распространялись монеты Королевства Польского, созданного в 1815 г. на части упраздненного Варшавского герцогства и присоединенного к Российской империи. Королевство получило автономии с сеймом, монетным двором и другими государственными институтами. Варшавский монетный двор осуществлял выпуски традиционно польских номиналов: медные гроши и трехгрошовики, биллонные монеты достоинством в 5 и 10 грошей, серебряные – 1, 2 и 10 злотых и золотые – 25 и 50 злотых. На медных и биллонных монетах изображался государственный герб России – двуглавый орел, на груди которого помещался рисунок герба Польши – одноглавый орел, на серебряных и золотых – портрет Александра I [12].

В 1831 г. на белорусские рынки стали проникать монеты, которые чеканились в восставшей Варшаве в ходе национально-освободительного вос-

стания (1830–1831 гг.), в Польше, Беларуси и Литве. Повстанцы приняли решение о прекращении выпуска автономных монет. До середины августа 1831 г. Варшавский монетный двор чеканил следующие номиналы: в меди (3 гроша), биллоне (10 грошей), серебре (2 и 5 злотых) и золоте («голландский» дукат). В условиях острого дефицита сырьевого материала типография банка выпустила и бумажные банкноты достоинством в 1 злотый, общая эмиссия которых к августу 1831 г. составила 735 тыс. штук [13]. После поражения восстания эти денежные единицы, называемые в российском делопроизводстве «монетами мятежными», были объявлены незаконными и подлежали изъятию из обращения и последующей перечеканке. Исключение составлял только золотой дукат. Однако выполнение этого решения затянулось на продолжительный период.

В 1834–1850 гг. согласно указам Николая I Варшавский и Петербургский монетные дворы проводили чеканку монет по российской стопе, номинал которых обозначался на русском (в копейках и рублях) и польском (в грошах и злотых) языках. Были выпущены серебряные 5 копеек (10 грошей), 10 копеек (20 грошей), 15 копеек (1 злотый), 20 копеек (40 грошей), 25 копеек (50 грошей), 30 копеек (2 злотых), 3/4 рубля (5 злотых), 1 1/2 рубля (10 злотых) [14]. К середине XIX в. выпуск двуязычных монет был в основном прекращен.

В 1839–1843 гг. в Российской империи проведена денежная реформа, которая провозгласила в качестве основной денежной единицы серебряный рубль, приравненный к 3 руб. 50 коп. ассигнациями. Вместо ассигнаций наряду с серебряными и медными деньгами стали выпускаться в обращение новые платежные средства –

государственные кредитные билеты, которые свободно разменивались на серебро в соотношении 1:1 [15].

Новая денежная система – серебряный монометаллизм, – существенно оздоровившая государственные финансы, способствовала ускоренному переходу белорусского края на российские платежные средства. 16 октября 1844 г. имперский Государственный совет принял решение об изъятии из обращения биллонной и другой низкопробной монеты в западных губерниях, определил двухгодичный срок, в течение которого местные жители должны были «сбыть низкопробную польскую и иностранную монету» [16]. Министерству финансов было поручено обеспечить западный регион российской серебряной и медной монетой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗРИ). Т. XIX. 1770-1774. СПб., 1830. С. 624, 752.
2. Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси. Мн., 1995. С. 271.
3. Национальный исторический архив Беларуси. Ф.2992. Оп. 1. Д. 14. Л. 2-3.
4. Шайкоў В. Лёс Полацкага манетнага двара // Беларускі гістарычны часопіс. 1998. № 2. С. 93-97.
5. ПСЗРИ. Т. XXIII. С 1789 по 6 ноября 1796. СПб., 1830. С. 608.
6. Мемуары князя Адама Чарторьского и его переписка с императором Александром I. М., 1913. Т. 2. С. 217-218.
7. ПСЗРИ. Т. XXVII. 1802-1803. СПб., 1830. С. 135-136.
8. Там же. Т. XXX. 1808-1809. СПб., 1830. С. 906.
9. Там же. Т. XXXI. 1810-1811. СПб., 1830. С. 217.
10. Там же. Т. XXXII. 1812-1815. СПб., 1830. С. 220.
11. Там же. Т. XL. 1825 по 19 октября. СПб., 1830. С. 69.
12. Археологія і нумізматыка Беларусі: Энцикл. Мн., 1993. С. 409.
13. Там же. С. 413-414.
14. Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси. С. 276-277.
15. Грузицкий Ю.Л. История развития денежно-кредитной системы Беларуси. Мн., 2002. С. 60-61.
16. ПСЗРИ. Т. XIX. Отд. 2. 1844. СПб., 1845. С. 649.